

РЕВИЗОР ЧУЖОГО ТЕЛА

АРТУР ВОЛЬСКИЙ

Артур Вольский

Ревизор чужого тела

<https://litres.ru/74659948>

SelfPub; 2026

Аннотация

Стеллаж с архивом упал на неё, когда она проверяла акт приёмки. Так она умерла. Так и попала в чужое тело — восемнадцать лет, ни дома, ни рода, ни денег. Три долга. Гильдейский требует двенадцать медяков без акта и свидетелей. По уставу её можно продать в услужение.

Она — аудитор. Двадцать лет проверяла склады и сметы. Привыкла: в любой бумаге есть ошибка. Вопрос — кто допустил и кому выгодно.

Меч она не берёт. Берёт устав.

Система начисляет урону за убийства. Ей дают за найденные ошибки. Один долг. Одна запись. Потом ещё. Пока не выясняется: гильдейский — не главный. Покровитель в городе берёт тридцать процентов. А Система — не артефакт, а бюрократическая машина с ошибками.

Сначала — статус. Потом — дом. Потом — человек, который стоит за долгом.

Она не герой. Она хочет понять, почему умерла именно она.

Её смерть — не случайность. Это расхождение 0. Самое большое. То, которое нельзя закрыть.

Бумага врёт ровно. Человек — криво. Кривая ложь — это не ложь. Это боль.

Содержание

Глава 1. Входящий остаток	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Артур Вольский

Ревизор чужого тела

Глава 1. Входящий остаток

Смерть пахла пылью и мокрым картоном.

Стеллаж повело вбок. Я успела подумать: «В акте приёмки было отмечено, что крепление не соответствует норме. Подрядчик подписал. Значит, принял». Потом верхняя полка поехала, и архив за две тысячи девятнадцатый год пошёл вниз.

Всё.

Холод. Камень. Тело не слушается.

Открыла глаза. Потолок низкий, с трещиной. Трещина шла от угла к середине — кривая, как шов на старой рубахе. Свеча почти догорела. Воск стекал на камень и застывал каплями. Пахло сыростью, золой, кислой капустой. И ещё чем-то. Мышиным. Или — старым деревом, которое давно не трогали.

Сесть получилось со второго раза. Руки тонкие, чужие. На левом запястье синяк. Свежий. Не мой. Ногти обломаны. На указательном — заусенец. Кровь запеклась. Значит, недавно. Значит, кто-то хватался за что-то. Или за кого-то.

Окно всплыло перед лицом само. Полупрозрачное, с бук-

вами.

[Журнал расхождений]

[Допуск: 0 (нет)]

[Раздел: не определён]

[Инструмент: осмотр (базовый)]

[Статус: Лира, девица без рода]

[Предупреждение: расхождение в учётных данных]

Моргнула. Не исчезло.

В голове полезло чужое, как плохо отсканированный документ. Лира. Дочь трактирщика. Должна гильдии за посуду. Должна старосте за аренду. Должна... Дальше не стала читать. Список длинный. Как список долгов в бухгалтерской книге, которую никто не проверял. Потому что проверять — дороже, чем платить.

Аудитор. Тридцать девять лет. Двадцать из них — склады, сметы, договоры. Привычка: в любой бумаге есть ошибка. Вопрос — кто допустил и кому выгодно. Иногда — одному человеку. Иногда — всем. Но всегда — кому-то.

Бумаг здесь не было. Был камень, свеча и голод.

Комната — три шага на четыре. Солома. Пустая кружка. Разбитый горшок в углу. Дверь с щелью. В щели — свет. Серый. Значит, не ночь. Значит, утро. Или вечер. Разницы нет. Голод одинаковый.

Подошла к двери. Открыла.

Коридор. В конце — свет. Голоса.

— ...говорю тебе, не заплатит, — мужской. — Ни дома,

ни родни. Только долги.

— Тогда зачем держишь? — женский, усталый.

— По уставу она «девица без рода». Значит, можно продать в услужение. Гильдия своё получит.

Закрыла дверь.

[Осмотр (базовый)]

[Объект: Лира]

[Активы: 0]

[Обязательства: 3]

[Риск: высокий]

[Журнал: пуст]

Усмехнулась. Входящий остаток — минус три. Журнал пуст.

Меч искать не стала. Молиться — тоже. Села на солому и стала думать.

В моём мире я проверяла склады. Здесь склад — одно тело и три долга. У любого долга есть срок и основание. Основание оспорить — долг аннулируется. Срок сдвинуть — появляется время.

Первое: понять, где я. Второе: понять, кто вокруг. Третье: не умереть, пока делаю первые два.

Встала. Подошла к двери снова. Прислушалась.

Голоса стихли. Потом шаги. Потом тишина.

Открыла. Коридор пуст. Свет — из щели под дальней дверью. Там, где голоса.

Пошла.

Коридор был коротким. Три шага. Дверь в конце — открыта. За ней — комната побольше. Стол. Две лавки. Очаг. В очаге — зола, но не огонь. Зола серая, сухая. Давно не топили. На столе — кружки, миска, хлеб. Чёрствый. В углу — метла. Солома — на полу. Пахло — не капустой. Дымом. Старым. Давно не топили.

Мужчина сидел на лавке. Крупный, красномордый, в кожаном фартуке. Фартук был засаленным. На руках — мозоли. Не от работы. От того, что держал. Что-то. Или кого-то. Перед ним — книга. Толстая, в кожаном переплёте. Он водил пальцем по строчкам и что-то бормотал. Не читал. Считал. Или делал вид. Палец шёл медленно. Как будто нащупывал. Как будто боялся найти.

Женщина стояла у очага. Худая, в платке. Спиной ко мне. Что-то резала. Нож — тупой. Она давила. Не резала. На доске — репа. Кривые ломти. Не одинаковые. Значит, не привыкла. Или — устала.

— Лира, — сказал мужчина, не поднимая головы. — Должна гильдии двенадцать медяков. Срок — завтра.

Я остановилась в дверях.

— Устав покажите.

Мужчина поднял голову. Моргнул.

— Что?

— Устав. Где написано, что я «девица без рода» и что меня можно продать. Пункт. Номер статьи.

Женщина у очага обернулась. Посмотрела на меня. Потом

на мужчину. Потом снова на меня. В глазах — не испуг. Любопытство. Как у кладовщицы, которая нашла недостачу и ждёт, что скажет начальник.

Мужчина нахмурился.

— Ты читать умеешь?

— Умею. И считать умею. Двенадцать медяков за посуду — много. Покажите устав.

Он долго смотрел. Потом отодвинул книгу. Полез за пазуху. Вытащил сложенный лист. Протянул. Лист был мятым. Углы — затёрты. Значит, носил. Давно. Часто. Сгиб — белый. Как будто складывал и раскладывал каждый день.

Взяла. Развернула.

[Осмотр (базовый)]

[Документ: Устав гильдии (фрагмент)]

[Качество: низкое (рукописная копия)]

[Несоответствия: 2]

[Стр. 4: «девица без рода» — определения в основном уставе нет]

[Стр. 7: «продажа в услужение» — нужны два свидетеля. Отсутствуют]

[Журнал: запись 1]

[Запись 1: устав гильдии. Несоответствие: 2. Критичность: средняя]

[Статус: открыто]

Подняла глаза.

— Определения нет. Значит, по основному уставу я не

«девица без рода», а «лицо без подтверждённого статуса». Разные статьи. Для продажи нужны свидетели. Их нет.

Мужчина открыл рот. Закрыл.

Женщина за его спиной улыбнулась уголком губ. Быстро.

— И ещё. Двенадцать медяков за посуду — штраф.

Штраф не выше стоимости ущерба. Акт оценки покажите.

Молчал.

— Нет акта? Долг недействителен. Статья девять.

Протянула лист обратно.

— Я не отказываюсь платить. Хочу по правилам. Принесите акт. Приведите свидетелей. Тогда поговорим.

Взял лист. Руки дрожали. Не от страха. От злости.

— Ты...

— Лира. Умею читать. Всё, что вам нужно знать.

Повернулась. Пошла обратно.

За спиной тихо. Потом женщина:

— Она права. По уставу — права.

Мужчина что-то проворчал. Не слушала.

В комнате села на солому. Свеча догорела. Темно.

[Журнал расхождений]

[Запись 1: устав гильдии. Статус: открыто]

[Запись 2: долг (12 медяков). Несоответствие: отсутствие акта оценки. Критичность: средняя]

[Статус: открыто]

[Допуск: 0. До допуска 1: 3 расхождения]

Закрыла глаза.

Три расхождения до допуска. Три записи. В моём мире я тоже начинала с трёх. Первая проверка, первый акт, первая найденная ошибка. Двадцать три года. Сейчас тридцать девять, но в теле восемнадцатилетней. Разница небольшая.

В коридоре хлопнула дверь. Кто-то шёл. Глаза не открыла.

План был. Найти акт оценки. Найти свидетелей. Не умереть, пока всё это делаю.

Утро началось с голода.

Не синяк на запястье. Желудок. Сводило так, будто внутри кто-то пересчитывал рёбра и каждый раз сбивался.

Села. Свеча догорела. Под дверью — серый свет. Рассвет. Окно висело на месте.

[Журнал расхождений]

[Запись 1: устав гильдии. Статус: открыто]

[Запись 2: долг. Статус: открыто]

[Допуск: 0. До допуска 1: 3 расхождения]

Подошла к двери. Прислушалась. Тихо.

Открыла.

Коридор пуст. Женщина в платке сидела на табурете у дальней стены, чистила репу. Подняла голову.

— Проснулась. Думала, до полудня проспийшь.

— Где гильдейский?

— Ушёл. Сказал, с актом вернётся. — Отложила репу. — Ты вчера хорошо говорила. Он не ожидал.

Подошла ближе. Худая, морщины у глаз, взгляд цепкий. Такие взгляды у кладовщиц, которые знают, где какая короб-

ка, и найдут недостачу за минуту.

— Как вас зовут?

— Марта. Кухня и порядок. Гильдия платит медяк в день, чтобы я за домом следила.

— Марта. Акт оценки ущерба есть? Тот, что гильдейский принести должен?

Усмехнулась.

— Нет. И не найдёт. Акта не было. Цифру с потолка взял.

Кивнула. Так и думала. В моей практике часто: смета с потолка, акта выполненных работ нет. Расчёт на то, что не проверят.

— А кто по правилам ущерб оценивает?

— Староста. Или писарь. Писарь в разъезде. А староста...

— помолчала. — Староста гильдейского не любит. С прошлой зимы в ссоре.

Запомнила. Ссора — рычаг. Если староста гильдейского не любит, может быть заинтересован решить против него. Не из симпатии ко мне. Из принципа.

— Где староста?

— В ратуше. Через площадь. — Посмотрела внимательно.

— Пойдёшь? В таком виде?

Посмотрела на себя. Рубаха грязная, волосы сваялись, башмаки стоптанные. В моём мире — «внешний вид не соответствует статусу». Здесь — «не станут слушать».

— Вода есть? И гребень?

Хмыкнула.

— Вода в бочке за домом. Гребень дам. Чистой рубахи нет. Старая, с заплаткой.

— Сойдёт. Заплата не порок. Порок — грязная рубаха. Посмотрела с любопытством.

— Странная ты, Лира. Раньше молчала и плакала. Теперь говоришь, как писарь.

Объяснять не стала. Двадцать лет говорила как аудитор. Работало.

Вода в бочке была ледяной. Пахла тиной. Зачерпнула ладонями, умылась. Пальцы свело. Растёрла лицо. Потом ещё раз.

Марта принесла гребень. Деревянный, с тремя зубьями. Один сломан.

— Другого нет, — сказала она. — Этот от бабки остался. — Сойдёт.

Расчесала волосы. Долго. Они были длинными, до лопаток, и путались так, что я потратила на них больше времени, чем на всё остальное. В моём мире я стриглась коротко. Так быстрее. Здесь — не до стрижки.

Марта принесла рубаху. Старую, с заплаткой на плече. Чистую. Пахла мылом.

Переоделась. Заплата была аккуратной. Ровные стежки. Кто-то шил с умом.

— Ваша работа? — спросила я.

— Моя. — Марта помолчала. — Я не всё умею. Но шить умею.

— Хорошо шьёте. Ровно.

Она посмотрела на меня. С любопытством.

— Ты замечаешь.

— Замечаю. Это работа. Работа должна быть ровной.

Марта усмехнулась. Не ответила.

Посмотрела в лужу у бочки. Отражение мутное. Худая девица, лет восемнадцати. Лицо бледное, подбородок упрямый. Глаза серые, внимательные. Не красивая. Не уродливая. Обычная.

В моём мире тоже была обычной. Устраивало. Обычные делают работу. Красивые позируют для обложек.

Окно всплыло.

[Осмотр (базовый)]

[Объект: Ратуша (не посещена)]

[Рекомендация: собрать данные о старосте]

[Журнал: без изменений]

Усмехнулась. Методичка для стажёра.

— Марта. Что про старосту знаете?

Вышла из дома, вытирая руки о передник.

— Ганс. Толстый, упрямый. Любит, когда кланяются. Но не дурак. Выгодно — сделает. Невыгодно — пошлёт.

— Что ему выгодно?

— Порядок. Чтобы по правилам. Сам когда-то писарем был, бумаги уважает. — Помолчала. — И гильдейского не любит. Тот однажды его племянника в услужение продал. Без акта. Без свидетелей.

Кивнула. Важно. Значит, староста уже сталкивался с тем же. Личный интерес.

— Спасибо, Марта. Помогли.

Посмотрела с сомнением.

— Думаешь, староста поможет?

— Думаю, он себе поможет. А я рядом окажусь.

Ратуша стояла на площади. Единственное каменное здание, кроме гильдейского дома. Двухэтажное, дверь тяжёлая, окна с решёткой.

Подошла. Остановилась.

Площадь была пустой. Утро. Кто-то шёл с ведром. Ведро скрипело. Кто-то открывал ставни. Ставни скрипели. Дым из труб. Пахло хлебом. И — навозом. И — мокрой шерстью. Кто-то сушил. Или — стирал.

Крыша ратуши — дранка. Одна доска сломана. Дождь — внутрь. В смете — «ремонт крыши». Нет строки. Значит, не ремонтировали. Значит, староста экономит. Или — не замечает. Разница.

В моём мире перед кабинетом начальника — три вдоха, проверить папку, вспомнить, зачем пришла. Папки не было. Был устав, который запомнила наизусть. И понимание: не добьюсь — продадут в услужение.

Три вдоха. Постучала.

— Войдите.

Открыла.

Староста за столом. Бумаги горой. Крупный, красноли-

цый, глаза маленькие, внимательные. Перед ним раскрытая книга. Похоже, учётная. Корешок — потрёпан. Значит, читали. Часто.

— Кто ты? — не поднимая головы.

— Лира. Лицо без подтверждённого статуса. По делу о долге.

Поднял голову. Посмотрел.

— Лира? Та, что гильдии должна?

— Та самая. Долг оформлен неправильно. Пришла исправить.

Отложил перо.

— Говори.

Рассказала. Коротко, без эмоций. Факты, цифры, статьи. Статья четыре — определения «девицы без рода» в основном уставе нет. Статья семь — для продажи нужны два свидетеля. Статья девять — штраф не выше ущерба. Акта оценки нет.

Слушал. Когда закончила, откинулся на спинку.

— Умеешь читать устав.

Не вопрос.

— Умею.

— И считать.

— И считать.

Помолчал.

— Гильдейский сказал, ты воровка. Посуду украла, двенадцать медяков должна.

— Акт оценки не предоставил. Свидетелей не привёл. Воровка — пришёл бы с ними. Не пришёл. Значит, доказательств нет.

Усмехнулся. Уголкем губ. Быстро.

— Знаешь, что я гильдейского не люблю?

— Знаю. И почему. Племянник. Без акта. Без свидетелей. Перестал улыбаться.

— Кто сказал?

— Никто. Сложила факты. Гильдейский продал вашего племянника без акта. Вы на него злы. Если я приду с правильными бумагами, вы откажете ему в этом деле. Не из симпатии ко мне. Из принципа.

Долго смотрел. Потом взял перо, придвинул книгу.

— Ладно. Акт дам. С условием.

— С каким?

— Учёт вести будешь. Для деревни. Раз в неделю приходить, проверять, что сходится, что нет. Не хочу, чтобы меня снова обманули.

Окно всплыло.

[Задание обновлено: «Легализация»]

[Цель: подтверждённый статус]

[Доп. условие: учёт для деревни (1 раз в неделю)]

[Срок: 7 дней]

[Награда: допуск 1 (деревенский), раздел: финансовый учёт]

[Отказ: статус не присвоен]

Посмотрела на старосту.

— Согласна.

Кивнул. Стал писать.

— Акт к вечеру. Придёшь, заберёшь. Свидетелей двух приведёшь. Тогда долг аннулируется.

— Будут.

Вышла. Солнце высоко. Площадь пуста.

За спиной хлопнула дверь. Обернулась.

Гильдейский на крыльце своего дома. Смотрел на меня. В руках сложенный лист.

— Лира. Пожалеешь.

Посмотрела на него. Потом на лист.

— Это акт оценки?

Не ответил.

— Если акт — поддельный. Настоящий староста составляет. А вы не староста.

Повернулась. Пошла к дому Марты.

За спиной тихо. Потом гильдейский что-то сказал. Не слушала.

[Журнал расхождений]

[Запись 3: гильдейский. Несоответствие: попытка подделки акта. Критичность: средняя]

[Статус: открыто]

[Допуск: 0. До допуска 1: 0 расхождений (нужно закрыть записи)]

Шла по площади. В моём мире тоже начинала с трёх запи-

сей. Первая проверка, первый акт, первая найденная ошибка. Двадцать три года. Сейчас тридцать девять, но в теле восемнадцатилетней. Разница небольшая. Опыт — он и есть опыт.

В этом мире слово значило ещё и записи в журнале.

Умела считать и то, и другое.

Дом Марты стоял на краю деревни. Низкий, с соломенной крышей. Внутри — кухня, стол, две лавки. И запах. Кислый. Тот самый.

— Что это? — спросила я.

Марта посмотрела.

— Капуста. Квашеная. Зимой — еда. Летом — тоже еда. Если больше нечего.

— А что есть?

— Хлеб. Чёрствый. — Помолчала. — И вода.

Села на лавку. Хлеб был твёрдым, как камень. Разломил. Внутри — мякиш. Сухой.

— Сколько дней я здесь?

— Три. Тебя привезли. Гильдейский. Сказал: должница. Велел держать, пока не заплатит.

— А до этого?

— Не знаю. — Марта помолчала. — Ты не помнишь?

— Помню плохо.

Это было правдой. Память Лиры была как плохо отсканированный документ. Кусочки. Обрывки. Трактир. Отец. Что-то ещё. Что-то тёмное.

— Отец был? — спросила я.

— Был. Умер. — Марта не стала уточнять. — Трактир сгорел. Долги остались.

Кивнула. Значит, вот откуда долги. Трактир. Пожар. Гильдия дала денег на восстановление. Не восстановилось. Долг остался.

— А гильдейский? Он кто?

— Гильдейский. Человек, который собирает долги. Для гильдии. — Марта помолчала. — И для себя. Больше для себя.

— Понятно.

Жевать чёрствый хлеб было трудно. Но желудок требовал. Ела медленно. Маленькими кусками. Как в моём мире, когда сидела на диете. Только там была диета. Здесь — выживание.

[Журнал расхождений]

[Запись 4: трактир. Несоответствие: причина пожара не указана. Критичность: личная]

[Статус: открыто]

Посмотрела на окно. Долго.

— Что? — спросила Марта.

— Ничего. Считаю.

— Что считаешь?

— Всё.

Марта посмотрела на меня. Долго.

— Ты странная. Раньше не считала. Плакала. Молчала.

— Раньше — не считала. Теперь — считаю.

Она не стала спрашивать дальше. Хорошо. Объяснять было нечего.

Вечером пришёл староста.

Сам. Не прислал никого. Пришёл. В дом Марты. С листом в руках. Лист — плотный. Не мятый. Новый. Значит, писал при мне. Или — сразу после.

— Акт, — сказал он. — Держи.

Взяла. Развернула.

[Осмотр (базовый)]

[Документ: Акт оценки ущерба]

[Оценка: 3 медяка]

[Подпись: староста Ганс]

[Печать: подтверждена]

[Журнал: запись 2 — статус изменён: открыто в работе]

Три медяка. В четыре раза меньше, чем требовал гильдейский.

— Спасибо, — сказала я.

— Не благодари. — Староста сел на лавку. Тяжело. — Ты мне нужна. Учёт. Раз в неделю. Не забыла?

— Не забыла.

— Тогда слушай. — Он помолчал. — Учёт — это не только цифры. Это люди. Кто пришёл. Кто ушёл. Кто что взял. Кто что отдал. Если ты считаешь только цифры — ты не учётчица. Ты счётчик.

Кивнула.

— Поняла.

— Не поняла. — Он посмотрел на меня. — Цифры врут. Люди врут. Бумаги врут. Правда — в том, что не сходится. Ищи, где не сходится. Не где сходится. Где не сходится.

— Поняла.

— Хорошо. — Он встал. — Завтра. Ратуша. С утра. Посмотрим, что ты умеешь.

Ушёл.

Марта смотрела на меня.

— Он тебе доверяет.

— Он мне не доверяет. Он меня проверяет.

— Это одно и то же.

— Нет. Доверие — это когда не проверяют. Проверка — это когда хотят доверять, но не могут.

Марта усмехнулась.

— Странная ты.

— Уже слышала.

Ночью я не спала.

Лежала на соломе. Смотрела в потолок. Трещина. Паук. Тихо. За стеной — кто-то ходил. Тяжело. Потом — тишина. Потом — снова. Как будто не мог успокоиться. Или — искал что-то. Или — ждал.

В голове — цифры. Долги. Акт. Три медяка. Гильдейский. Староста. Учёт.

В моём мире я тоже не спала перед проверками. Лежала. Считала. Проверяла себя. Знала, что найду ошибку. Вопрос

— какую.

Здесь ошибка была не в бумагах. Ошибка была в том, что я жива. Что я в чужом теле. Что я должна. Что меня хотят продать.

Ошибка была во всём.

И это значило, что искать нужно не одну ошибку. А все.

[Журнал расхождений]

[Запись 5: «ошибка в основании» (кто стоит за долгом)]

[Критичность: высокая]

[Статус: открыто]

Закрыла глаза.

Гильдейский сказал: «Пожалеешь». Староста сказал: «Ищи, где не сходится». Марта сказала: «Странная».

Все трое были правы. По-своему.

Завтра — ратуша. Учёт. Первая сверка.

А потом — поиск.

Потому что долг — это не цифра. Долг — это человек. Который хочет, чтобы ты его отдала. Или не хотел. Или хотел, но не мог.

Найти человека. Найти основание. Найти ошибку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.